

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. 22

СРЕДНЯЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ
ГЕОГРАФИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ
Книга 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1980

П. И. Хомеев

О НЕЙТРАЛИТЕТЕ АФГАНИСТАНА В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

С началом первой мировой войны привлечение новых союзников стало основной целью дипломатических усилий воюющих группировок. Уже 2 августа 1914 г. германская дипломатия добилась значительного успеха в Константинополе: в этот день был подписан германо-турецкий союзный договор. Превратив Турцию в своего вассала, германская военщина устремила свои взоры дальше на восток: в числе союзников Центральных держав немцы хотели видеть и такие мусульманские страны, как Иран и Афганистан.

Что касается Афганистана, то эта страна, сопредельная с Британской Индией, привлекала к себе особый интерес германского военного руководства. В Берлине надеялись, что в случае выступления Афганистана против Англии в северных, по преимуществу мусульманских, районах Индии вспыхнет антибританское восстание. По расчетам германского министерства иностранных дел и генерального штаба, такое восстание в сочетании с англо-афганским конфликтом поставило бы англичан перед необходимостью держать в Индии значительное количество войск, что облегчило бы положение Германии на европейских фронтах. Вот почему уже в середине августа 1914 г. в Берлине началось обсуждение возможных мероприятий в Афганистане.

В этот же период планы в отношении Афганистана вынашивало и турецкое руководство, предполагавшее послать в Кабул миссию, цель которой заключалась в том, чтобы склонить афганского эмира Хабибулла-хана к вступлению в «священную войну» против Англии и России. Желая усилить намеченное предприятие за счет участия в нем представителей Центральных держав, турецкий военный министр Энвер-паша обратился в Берлин с просьбой предоставить в его распоряжение несколько германских офицеров. Предложение принять участие в турецкой экспедиции в Афганистан было истолковано в Берлине по-своему: в начале сентября 1914 г. в спешном порядке в Константинополь было направлено более двух десятков немецких офицеров. Постепенно, по ходу формирования экспедиции, численный состав немецкой группы все более увеличивался. Оснащена эта группа была солидно: из Германии в Константинополь прибыли пулеметы, миллион винтовочных патронов, радиоаппаратура и пр.

В распоряжение германской части экспедиции поступили и значительные денежные суммы.

Эти обстоятельства вызвали опасения турецких инициаторов экспедиции в Афганистан. Высокая Порта с подозрением относилась к усилению активности своих новоявленных союзников в мусульманских странах, на которые Турция сама имела «особые виды». Турецкое руководство, не рассчитывавшее на столь «представительное» участие немцев в экспедиции, решило вовсе отменить ее. Однако германское командование не намеревалось отказываться от отправки немецкой части экспедиции в Афганистан, и, таким образом, задуманное турками предприятие стало немецким. В конечном счете, правда, несколько турецких офицеров вошло в состав экспедиции, но они заняли в ней подчиненное положение.

Возглавил экспедицию в Афганистан 29-летний старший лейтенант Оскар Нидермайер, хорошо осведомленный о положении на Среднем Востоке, побывавший накануне войны в Иране и Индии, знавший несколько языков, в том числе персидский.

Противодействие турок несколько задержало отправление экспедиции. Лишь к январю 1915 г. Нидермайер со своими людьми перебрался из Константинополя в Багдад. На пути экспедиции лежала территория Ирана, отдельные районы которого контролировали английские и русские войска. Для продвижения на восток был избран наиболее безопасный путь. Покинув Багдад в конце марта 1915 г., экспедиция вскоре вступила на иранскую территорию, благополучно достигла Исфахана и остановилась в этом городе. После длительных приготовлений караван экспедиции, состоявший из двухсот с лишним вьючных животных, двинулся к афганской границе¹.

В конце июля в районе Тебеса к экспедиции Нидермайера присоединилась германская дипломатическая миссия во главе с Хентигом [6, с. 68]. Эта миссия была организована по инициативе индийского политического эмигранта Махендры Пратапа, который рассчитывал использовать поддержку кайзеровской Германии в борьбе за освобождение Индии от британского господства [10, с. 16]. Исходя лишь из военных соображений, а никак не из симпатий к индийскому освободительному движению, германское руководство пошло навстречу индийцам и поручило Хентигу сопровождать Пратапа в Афганистан. Пратап вез к кабульскому двору письма Вильгельма II, германского канцлера, а также послание турецкого султана. По прибытии в Афганистан Пратап имел намерение возглавить организацию восстания в Индии. Вернер Отто фон Хентиг, бывший секретарь германского посольства в Тегеране, был уполномочен канцлером Бетман-Гольвегом на ведение официальных переговоров с афганским эмиром и на установление дипломатических отношений между Германией и Афганистаном. В связи с последним обстоятельством присоединение миссии Хентига к явно военной экспедиции Нидер-

¹ На территории Ирана в состав экспедиции вошла группа австрийцев, бежавших из русского плена [8, с. 63].

майера придавало всему предприятию официальный дипломатический характер.

Объединенной экспедиции предстояло преодолеть самый сложный участок пути — территорию Восточного Ирана, где вдоль ирано-афганской границы по договоренности между Англией и Россией был создан войсковой заслон, с тем чтобы препятствовать проникновению в Афганистан германских и турецких элементов. В этих условиях огромный караван экспедиции был разделен на несколько групп. Для того чтобы дезориентировать противника, Нидермайер и Хентиг предприняли ряд сложных маневров.

Лишь с большим трудом, понеся немалые потери и утратив значительную часть снаряжения и груз золота, экспедиция пробилась через войсковой заслон и в ночь на 20 августа 1915 г. [8, с. 122] вступила на территорию Афганистана. 24 августа Нидермайер и Хентиг в сопровождении 35 человек прибыли в Герат, где местные власти оказали им торжественный прием [6, с. 91; 8, с. 129]².

Проникновение вражеской экспедиции на афганскую территорию крайне обеспокоило английскую колониальную администрацию в Индии. Ход событий в Афганистане в период мировой войны вызывал серьезную озабоченность англичан. В связи с отправкой значительных контингентов войск из Индии в Европу, Африку и Месопотамию внешняя политика индийского вице-королевского правительства была всецело направлена на сохранение мирных отношений с Афганистаном. Англичане всерьез опасались, что в период войны традиционные антианглийские настроения среди населения Афганистана могут проявиться крайним образом в виде англо-афганского конфликта. Свои надежды на предотвращение такого конфликта английская администрация в Индии связывала прежде всего с эмиром Хабибулла-ханом, который, в общем, предпочитал не вступать в противоречия с англичанами.

Уже 8 августа 1914 г. вице-король Индии лорд Хардинг направил Хабибулла-хану письмо, в котором он сообщал о начале военных действий в Европе и «советовал» эмиру сохранить нейтралитет и «предпринять особые меры предосторожности» на границах своего государства. В ответе на это письмо Хабибулла-хан заверил Хардинга в том, что Афганистан останется нейтральным. «Ваше превосходительство может быть уверенным на этот счет», — писал эмир [12, с. 7].

Тем не менее заверения эмира и даже провозглашение им нейтралитета на дурбаре в конце августа 1914 г. не развеяли опасений англичан по поводу ситуации в Афганистане. Вступление же в войну суннитской Турции и фетвы шейх-уль-ислама, призывавшие единоверцев начать джихад против Англии и ее союзников, усилили эти

² Население Герата особенно радушно приветствовало прибывших турецких офицеров. Их встречали как «моджахедов», т. е. как «борцов за веру» [1, т. 9, с. 530]. Чтобы в полной мере использовать авторитет турок, одному из них, старшему лейтенанту Казим-бею, входившему в состав миссии Хентига в качестве адъютанта, руководители экспедиции предоставили права «официального представителя Османской империи» [3, с. 89].

опасения; так, Хардинг допускал, что в условиях сложившейся к концу 1914 г. международной обстановки «враждебный Афганистан мог стать источником реальной угрозы для Индии» [5, с. 132].

5 ноября 1914 г. вице-король Индии вновь обратился к Хабибулла-хану с письмом. На этот раз эмир ставился в известность о состоянии войны между Англией и Турцией. Хардинг писал, что он предвидит в связи с вступлением Турции в войну возможные попытки со стороны «невежественных и злобных элементов» возбудить в Афганистане «беспорядки по ложно вызванным религиозным мотивам» [12, с. 11]. Под «беспорядками» подразумевались, конечно, антианглийские выступления.

Следует указать, что позиция, занятая эмиром в отношении Англии, вызвала недовольство придворной группировки сторонников войны, во главе которой стоял брат эмира Насрулла-хан, пользовавшийся влиянием среди духовенства и феодальной аристократии. Одновременно проанглийская политика Хабибулла-хана подвергалась критике и со стороны представителей прогрессивно настроенной интеллигенции, выступавших за ликвидацию зависимости Афганистана от Англии, за внутренние преобразования в стране.

Несмотря на то что провозглашение эмиром нейтралитета вызвало недовольство и протесты значительной части населения Афганистана, Хабибулла-хану так или иначе удавалось поддерживать внутри страны относительное спокойствие. Однако над афганскими пограничными племенами он полностью утратил контроль. По данным, которые приводит Хардинг в своих воспоминаниях, с ноября 1914 по сентябрь 1915 г. северо-западная граница Индии подвергалась серьезным нападениям афганцев не менее семи раз [5, с. 131]. Для отражения этих нападений англичанами была сформирована особая мобильная бригада [5, с. 107]. Однако в столкновениях с отрядами племен англичане не решались переходить афганскую границу, так как опасались контрмер со стороны Хабибулла-хана.

В годы войны англичане вообще были крайне осмотрительны в отношениях с эмиром. В переписке с Хабибулла-ханом, которую сам Хардинг характеризовал как «дружественную» [5, с. 100], вице-король избегал прямого диктата или угроз. Он считал более разумным высказывать эмиру «рекомендации» или «советы». Хардинг постоянно стремился внушать Хабибулла-хану, что на него «смотрят, как на „монарха“, слову которого верят» [2, с. 61].

По получении известия о проникновении в Афганистан вражеской экспедиции официальный Лондон дал совет Хардингу попытаться склонить Хабибулла-хана к выдаче немцев и турок английским властям в Индии. Но вице-король нашел, что такой шаг противоречил бы общему характеру его политики по отношению к эмиру [2, с. 60—61]. Хардинг предпочел послать Хабибулла-хану учтивое письмо, в котором он «в дружеской форме» еще раз предостерег эмира от попыток нарушить нейтралитет [2, с. 60—61]. В своем ответе Хабибулла-хан писал, что прибытие экспедиции на территорию его государства «не повлияет отрицательным образом на нейтральную позицию. . . Афганистана» [12, с. 12].

Тем временем, проведя в Герате две недели (с 24 августа по 7 сентября 1915 г.), немцы получили согласие афганских властей на продвижение в Кабул. В столицу Афганистана караван экспедиции прибыл 2 октября [8, с. 147].

Как раз в этот период встревоженный Хардинг, надеясь, что личное обращение английского короля к эмиру сможет подкрепить усилия колониальной администрации в Индии, предложил Георгу V написать письмо Хабибулла-хану. Король одобрил это предложение и в конце сентября 1915 г. обратился к эмиру с посланием, в котором, в частности, говорилось: «Я с большим удовлетворением узнал от моего вице-короля Индии, насколько добросовестно и честно Ваше Величество сохраняет позицию строгого нейтралитета, провозглашенного вами в начале этой войны. . . Я уверен, что Ваше Величество сохранит неизменной эту дружественную позицию по отношению ко мне и моему правительству до тех пор, пока победа не увенчает оружия союзников». Далее следовали высокопарные фразы об «интересах Афганистана и мусульманской религии», о «дружбе» между обоими монархами и т. п. [12, с. 14].

«Деликатный» нажим со стороны англичан и требования придворной прогермански настроенной оппозиции поставили Хабибулла-хана в весьма затруднительное положение. Эмир не мог не учитывать настроений Насруллы и его сторонников и в результате был вынужден вступить в контакты с руководителями прибывшей экспедиции.

В октябре 1915 г. Хабибулла-хан пребывал в своей летней резиденции в Пагмане. Именно там эмир впервые и принял немцев, но сделал это не сразу. Поначалу члены экспедиции были изолированы в отведенном для них дворце, и лишь 26 октября [1, т. 10, с. 213] эмир устроил аудиенцию. Вместе с Нидермайером и Хентигом в Пагман отправились турецкий офицер Казим-бей, а также индийские эмигранты Махендра Пратап и Мохаммад Баракатулла.

При входе в летнюю резиденцию эмира навстречу миссии вышел Насрулла-хан в сопровождении нескольких придворных. Прибывших проводили в небольшую комнату, куда вскоре явился сам эмир. В начале беседы Хабибулла заявил: «Я рассматриваю вас в известной мере как купцов, которые предлагают мне свои товары. Я выберу из них то, что мне подходит и нравится». Хентиг возразил против такой постановки вопроса и заявил, что он официально уполномочен своим правительством установить дипломатические отношения между Германией и Афганистаном и имеет задание информировать эмира о сложившейся военной ситуации. Хентиг попытался выяснить соображения Хабибулла-хана в связи с намерениями Пратапа и Баракатуллы организовать антианглийское выступление в Индии, но эмир пока что умолчал о своей позиции в отношении Англии. Хабибулла то и дело переводил разговор на посторонние темы; беседа затянулась на несколько часов, однако конкретных результатов не дала [7, с. 141].

После первой встречи с эмиром Нидермайер писал в зашифрованном письме, посланном с нарочным в германское посольство

в Тегеране: «Более подробные переговоры состоятся лишь в будущем. Пока объяснения эмира не внушают больших надежд». В другом донесении сообщалось: «Быть может, потребуется. . . внутренний переворот. К войне здесь мало еще подготовлены, но мы готовы идти на самые крайние меры» [1, т. 10, с. 213].

Нужно сказать, что эти донесения Нидермайера не попали по назначению. В силу обстоятельств они оказались в российском консульстве в Мешхеде, которое передало полученную информацию англичанам.

Царская дипломатия одобрительно оценивала осторожную политику индийского вице-королевского правительства в отношении Афганистана. Россия в период войны была также заинтересована в соблюдении афганским эмиром нейтралитета. «Чем сильнее авторитет Англии в Кабуле, тем легче будет нам достигнуть ограждения наших интересов» — этого принципа, выраженного еще в феврале 1914 г. российским генеральным консулом в Калькутте [2, с. 26], царские дипломаты продолжали придерживаться и в годы войны, когда в Петрограде и Ташкенте проявлялась особая озабоченность по поводу ситуации на русско-афганской границе (см., например, [2, с. 90, 91]). В связи с последним обстоятельством индийское вице-королевское правительство шло навстречу русским дипломатам в Калькутте и предоставляло им данные о событиях в Афганистане. Видимо, донесения Нидермайера были переданы англичанам в ответ на эти услуги и в соответствии с приведенным выше принципом. Так или иначе, Хардинг не замедлил воспользоваться полученными от русских сведениями и переправил их афганскому эмиру, конечно с соответствующими комментариями [5, с. 133].

Используя переписку с Хабибулла-ханом как средство воздействия на него, вице-король Индии вместе с тем задумывался и о том, как материально заинтересовать эмира в соблюдении нейтралитета. Хардинг принял решение увеличить на 200 000 рупий ежегодную субсидию³, которая выплачивалась эмиру англичанами за отказ от участия в международных делах, а также выделить крупную сумму (около 250 000 ф. ст.) в счет задолженности эмиру по предыдущим платежам [12, с. 15; 5, с. 132].

Судя по сообщениям русских дипломатов из Калькутты, индийское вице-королевское правительство было намерено не оставаться «ни перед какими затратами и средствами для удержания Афганистана от нарушения нейтралитета» [2, с. 100]. Англичане пошли даже на то, что обещали Хабибулла-хану официально признать после войны политическую независимость Афганистана в случае сохранения эмиром нейтральной позиции [14, с. 739].

В переписке с вице-королем Индии, как и при встречах с английским агентом в Кабуле, Хабибулла-хан по-прежнему выражал свою готовность соблюдать нейтралитет. Он прилагал и практичес-

³ По данным российского генерального консульства в Калькутте факт о повышении субсидии тщательно скрывался англичанами «из боязни скомпрометировать эмира в глазах афганского населения» [2, с. 78].

кие усилия к тому, чтобы предотвратить столкновение с Англией ⁴. Но в то же время эмир был вынужден идти на дальнейшие уступки придворной группировке сторонников войны. Поэтому он продолжал контакты с немцами.

Почти ежедневно Хабибулла-хан и Хентиг долгие часы проводили в переговорах, в результате которых был выработан проект германо-афганского договора о дружбе, персидский текст которого 24 января 1916 г. подписали с афганской стороны эмир Хабибулла-хан, с германской стороны Нидермайер и Хентиг ⁵.

В преамбуле проекта Германия и Афганистан провозглашались союзниками, однако условия, изложенные в десяти статьях документа, делали такой союз практически неосуществимым. В соответствии с договором Германия должна была поставить Афганистану 100 000 винтовок новейшего образца, 300 орудий и стратегические материалы; предоставить Афганистану безвозмездную финансовую помощь в размере 10 000 000 ф. ст.; привлечь в афганскую армию многочисленных военных специалистов. Эти условия, как видно, были тщательно продуманы эмиром. В подписании Хабибулла-ханом проекта договора можно усмотреть хитроумный маневр эмира, которым он достиг двух целей: придворная прогерманская группировка была несколько успокоена, а вопрос о вступлении Афганистана в войну повис в воздухе на неопределенное время, так как обязательства, которые взяли на себя немцы, были явно невыполнимы.

Лишь одно из условий подписанного документа стало отчасти осуществляться: эмир предложил членам экспедиции, а также австрийцам, бежавшим из русского плена, принять участие в работе по реорганизации афганской армии. Нидермайеру было предоставлено руководство школой офицеров при штабе войск Афганистана. Под наблюдение немцев, турок и австрийцев были поставлены полевые учения, теоретические занятия, строительство укреплений, производство оружия. Кроме того, Нидермайер попытался организовать работу в артиллерии. Несколько раз германские офицеры демонстрировали военному руководству Афганистана стрельбу с закрытых огневых позиций по невидимым целям, которая прежде в афганской артиллерии, судя по всему, не практиковалась [7, с. 153].

Помимо активной работы в армии немцы одновременно развернули и энергичную пропагандистскую деятельность. Дело дошло до того, что германская миссия некоторое время издавала в афганской столице собственную газету, которая распространялась на кабульском базаре. При подготовке номеров этой газеты к печати использовались английские издания, постулавшие ко двору эмира из Индии, причем полученную таким образом информацию немцы истолковывали, конечно, на свой лад [7, с. 152].

⁴ Так, на Великую джиргу, состоявшуюся в Кабуле в 1915 г., эмир преднамеренно созвал всех наиболее вероятных предводителей «джихада» и таким образом на длительное время отвлек их от пропаганды «священной войны» [14, с. 739].

⁵ Полный текст проекта договора см. [4, с. 360—362].

Несмотря на то что эмир дал свое согласие на отдельные военные приготовления, общие его позиции остались неизменными: без практической поддержки со стороны Германии и Турции он отказывался выступить на их стороне.

Значительное влияние на позицию эмира в переговорах с немцами оказывали сообщения о ходе событий на фронтах мировой войны. Особое впечатление в Афганистане произвело известие об успешных действиях русских войск на Кавказском фронте ⁶.

Военные возможности России, безусловно, принимались эмиром во внимание. Хотя немцы добивались от Хабибулла-хана в первую очередь вторжения в Британскую Индию, эмир вполне отчетливо сознавал, что в случае конфликта с Англией Афганистану неминуемо пришлось бы столкнуться и с царской Россией. По свидетельству Махендры Пратапа, эмир чрезвычайно опасался возможности «быть вовлеченным в военные действия *на двух* (курсив мой. — П. Х.) наиболее опасных границах своего государства», а именно на русской и индийской [9, с. 454]. Как явствует из донесения Нидермайера, предназначенного для германского генерального штаба, в переговорах с немцами Хабибулла-хан дал согласие начать военные действия лишь по прибытии в Афганистан 20—100 тыс. германских или турецких войск ⁷, которые эмир рассчитывал использовать именно для организации отпора предполагаемому натиску со стороны России [3, с. 181—182].

Опасения Хабибулла-хана по поводу столкновения с Россией учитывались индийскими эмигрантами в Кабуле, видевшими в Афганистане потенциального союзника в борьбе с англичанами. Глава образованного в Кабуле эмигрантского «Временного правительства Индии» Махендра Пратап предпринял весной 1916 г. попытку связаться с русскими властями в Туркестане, с тем чтобы выяснить позицию России в возможном англо-афганском конфликте. Для этого он направил из Кабула в Русский Туркестан своих посланцев, которые доставили в Ташкент два письма Пратапа: одно — туркестанскому генерал-губернатору, другое — царю. В обоих письмах России предлагалось вступить в союз с Афганистаном против Англии. Царские должностные лица приняли письма, но оставили их без ответа. Перед отъездом из Ташкента в беседе с дипломатическим чиновником при туркестанском генерал-губернаторе индийцы попытались выяснить, останется ли Россия «хотя бы нейтральной» в случае войны между Афганистаном и Англией. Чиновник уклонился от четкого ответа [2, с. 82]. Посланцы вернулись в Кабул ни с чем.

4 мая 1916 г. в кабульской газете «Сирадж-уль-ахбар-и афганиа», с редактором которой Махмудом Тарзи индийские эмигранты были

⁶ Проведение Эрзерумской операции (январь—февраль 1916 г.) по времени совпало с пребыванием германской миссии в Кабуле.

⁷ Следует отметить, что главнокомандующий индийской армией Б. Дафф был убежден в неизбежности англо-афганского конфликта в случае проникновения турецких войск в Афганистан [11, с. 89]. Вероятность столкновения с Афганистаном учитывалась и в Лондоне, где на этот случай обсуждались сугубо оборонительные мероприятия [11, с. 87].

в дружественных отношениях, появилось открытое письмо Махендры Пратапа. На страницах афганской газеты Пратап рассказывал о своем пребывании в Германии и Турции, о встречах и беседах с кайзером Вильгельмом II, турецким султаном и Энвер-пашой. Цели своей деятельности Пратап объяснял следующим образом: «Я желаю лишь того, чтобы каждый человек в своем доме и каждый народ в своей стране жил свободно и спокойно». Здесь же Пратап писал: «Мы прибыли в Афганистан и теперь бездействуем по причине объявления нейтралитета Его Величеством эмиром» [13, с. 11]. Эти слова были явным упреком в адрес Хабибулла-хана, а письмо Пратапа в целом явилось, по-видимому, попыткой повлиять на эмира.

Между тем на требования немцев эмир отвечал лишь неопределенными обещаниями. Потерпев неудачу в переговорах с Хабибулла-ханом и не добившись согласия придворной оппозиции и армейских кругов открыто выступить против эмира, Нидермайер и Хентиг приняли решение покинуть Афганистан. Перед отъездом экспедиции из Кабула Насрулла-хан вручил Хентигу письмо на имя германского канцлера: брат эмира торопил Бетман-Гольвега с осуществлением германо-афганской «дружбы» на деле [3, с. 201].

21 мая 1916 г. [8, с. 174] немцы выехали из Кабула. Для облегчения выхода за пределы Афганистана экспедиция разделилась на несколько групп. Сам Нидермайер, выдавая себя за туркмена, преодолел часть пути по территории России, через Каракумы, и затем, минуя Мешхед и Тегеран, добрался в августе 1916 г. до Хамадана, занятого турецкими войсками. Хентиг возвращался в Европу через Китай и Америку и оказался в Германии лишь в июне 1917 г.

Некоторое время в Герате оставалась небольшая группа участников экспедиции во главе со старшим лейтенантом Вагнером. Более года Вагнер совместно с турецким офицером Казим-беем пытался организовать военную пропаганду и подрывную деятельность, направленную против Англии и России, однако успеха не имел.

И после отъезда главных сил экспедиции из Афганистана эмир не переставал колебаться. Продолжая уверять англичан в своей решимости соблюдать нейтралитет, Хабибулла-хан направил в декабре 1916 г. в Керманшах и Константинополь своего посланца для переговоров с германо-турецкими военными кругами. Условия вступления Афганистана в войну, выдвинутые представителем эмира на этих переговорах, снова оказались совершенно нереальными [3, с. 103].

Контакты с немцами, в которые эмир был вынужден вступить в годы первой мировой войны, не дали результатов.

Нидермайер и Хентиг толкали Хабибулла-хана на очевидную военную авантюру, пойти на которую эмир отказался, сознавая, что выступление на стороне Германии без поддержки извне могло привести к оккупации его страны английскими и русскими войсками и к окончательной потере самостоятельности Афганистана.

Ни авантюристические происки немцев, ни лукавое политическое заигрывание англичан, подкрепленное деньгами, не могли оказать

на эмира такого влияния, какое оказывали на него сообщения о конкретно сложившейся международной обстановке. В первую очередь именно создавшаяся на Ближнем и Среднем Востоке военная ситуация поставила эмира Хабибулла-хана перед необходимостью сохранить нейтралитет — самую разумную и верную позицию Афганистана в 1915—1916 гг.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878—1917 гг. Сер. 3. Т. 9. М.—Л., 1937; т. 10, М., 1938.
2. Синяя книга. Сборник тайных документов, извлеченных из архива бывшего министерства иностранных дел. М., 1918.
3. Adams L. W. Afghanistan 1900—1923. A Diplomatic History. Berkeley—Los-Angeles, 1967.
4. Gehrke U. Persien in der deutschen Orientpolitik während des ersten Weltkrieges. Bd 2. Stuttgart, 1960.
5. Hardinge of Penshurst. My Indian Years 1910—1916. L., 1948.
6. Hentig W. O. Meine Diplomatenfahrt ins verschlossene Land. Berlin—Wien, 1918.
7. Hentig W. O. Mein Leben eine Dienstreise. Göttingen, 1962.
8. Niedermayer O. Unter der Glutsonne Irans. Dachau, 1925.
9. Pratap M. My German Mission to High Asia. — «Asia». N. Y., 1925, t. 25, № 5.
10. Pratap M. Afghanistan — the Heart of Aryan. Peking, 1932.
11. Rothwell V. H. British War Aims and Peace Diplomacy 1914—1918. Ox., 1971.
12. Stewart R h. T. Fire in Afghanistan 1914—1929. Garden City —New York, 1973.
13. ۱۹۱۷ می ۴ سراج الاخبار افغانیه
14. ۱۹۱۷ می ۴ سراج الاخبار افغانیه